

Шэнь Юйхэн смотрел на маленького мальчика, свернувшегося клубочком, словно грязный, израненный детеныш, и потянулся к нему. Но образ в его видении внезапно рухнул, слившись в хаотичное месиво красок, похожих на мокрую грязь.

Шэнь Юйхэн проснулся, тяжело хватая ртом воздух. Весенний ветерок был нежным и прекрасным, а слабый солнечный свет, пробивавшийся сквозь оконную бумагу, делал мягкую постель приятно теплой. Он заставил себя сесть, но даже это крошечное движение вызвало испарину холодного пота на его руках. Он чувствовал глубокую слабость, однако его тело казалось чистым и свежим.

«Должно быть, кто-то меня обмыл».

Держась за кружащуюся голову, Шэнь Юйхэн еще даже не начал осмысливать произошедшее, как служанки снаружи заметили движение. Они тут же принесли завтрак и тонизирующее лекарство. Все еще не до конца проснувшись, он подул на ложку горячей каши; его разум был затуманен попытками вспомнить прошлую ночь.

Прошлая ночь... Ему приснился Сяо Цзинь. Он сверился со своей внутренней памятью об оригинальной книге и подтвердил, что это был сюжетный момент — хотя и с очень скудными подробностями, описанный лишь так: «Многие дворцовые слуги таинственным образом исчезли в Холодном дворце...» Эти несколько слов были отслеживаемым источником происхождения «маленького психопата».

Пока он думал о мальчишке, мирно спящем в лунном свете, в его голове внезапно вспыхнул яркий фрагмент воспоминаний. Сяо Цзинь нависает над ним, используя свою руку...

Шэнь Юйхэн замер.

...? ...??

Он внезапно поперхнулся горячей кашей, едва не выплюнув ее. Юньдоу бросилась к нему, чтобы похлопать по спине, но он отстранился, сказав, что в порядке. Оставшись приходить в себя в одиночестве, он почувствовал, как его щеки горят кроваво-красным румянцем.

У него не было подобного опыта. Даже если в прошлой жизни у него и возникало желание, у него никогда не было партнера. Будучи пожизненным «одиночкой», он не мог поверить, что его первый интимный опыт был с...

Шэнь Юйхэн зарылся головой под одеяло, прячась в свою раковину. Но тогда зачем Сяо Хуай дал ему то... лекарство? Чем больше он думал об этом, тем более странным это казалось. Поведение Сяо Хуая наводило на мысль, что он хотел убить его в качестве погребальной жертвы; вино должно было быть ядом.

Что ж, по крайней мере, это был не яд. Вчера, когда Император заставил его выпить, он действительно думал, что умрет. Даже Система начала плакать, составляя «Отчет о провале миссии».

Система все еще была потрясена: [Ничего страшного, Хозяин! Отчет оказался пустой тратой времени, но я так рада, что мы не провалились!]

Шэнь Юйхэн кивнул. Независимо от прогресса искупления, его самой важной целью было остаться в живых. Если он умрет, миссия будет окончательно провалена. Жизнь — это все.

Однако кое-что его беспокоило. Только что, когда палец служанки случайно скользнул по его спине, он отшатнулся, словно от удара током. Даже во время переодевания он отказывался от помощи. Любое прикосновение к его коже вызывало покалывание и странные ощущения... аномальную чувствительность.

«Это остаточный побочный эффект лекарства?» — обеспокоенный, он попросил Чжоу Юаня позвать императорского лекаря Сюя.

Лекарь прибыл быстро и пощупал его пульс. Через несколько мгновений он нахмурился. Сердце Шэнь Юйхэна екнуло.

— В чем дело? — Этот афродизиак — какой-то яд медленного действия?

— Не оскорблял ли Супруг кого-нибудь в последнее время? — задумчиво спросил Сюй.

— Нет... не думаю? — Шэнь Юйхэн запаниковал. — Не пугайте меня. Что не так?

— В целом с организмом Супруга все в порядке, только слабость, — покачав головой, ответил Сюй. — Однако... похоже, присутствуют следы яда Гу.

Яда Гу?

Шэнь Юйхэн замер, холодный пот пропитал его спину. Он не впервые слышал о Гу. В оригинальной книге единственным человеком в столице, искусным в обращении с Гу, был таинственный мастер ядов Сяо Цзиня. Хотя он не знал, почему персонаж из позднего сюжета появился так рано, это почти наверняка было делом рук Сяо Цзиня.

Какую «хорошую вещь» мог бы дать мне Сяо Цзинь? Если в итоге он умрет еще страшнее, чем от расчленения, как оригинальный владелец тела, это будет какой-то жестокой космической шуткой.

— Лекарь Сюй, скажите мне правду. Что делает это Гу? Есть ли лекарство?

— Ваш пульс сейчас стабилен, но Гу — зловещая вещь. Я не могу быть уверен в долгосрочном вреде. Лекарство есть, но его может приготовить только мастер Гу. Когда я был в армии, я знал одного человека, который изучал медицину вместе со мной, но сейчас он находится в далеком регионе Мяо. Чтобы привезти его в столицу, потребуются не менее четырех-пяти месяцев.

Глаза Шэнь Юйхэна загорелись. Четыре-пять месяцев — это нормально, главное, что это не неизлечимо! Он попросил лекаря написать тайное письмо и отправил слугу родом из тех краев доставить его с максимальной срочностью.

Система обеспокоенно спросила: [Хозяин, вы уверены, что чувствуете себя нормально?]

Шэнь Юйхэн покачал головой. Он даже не понимал, зачем Сяо Цзиню понадобилось его травить. Что касается вчерашнего... он был абсолютно пассивен. Даже если руки Сяо Цзиня были «грязными», это только потому, что Сяо Цзинь отказывался его отпускать! Если кто и виноват, так это мальчишка.

Он снова спрятался под одеяло, притворяясь мертвым. Он прождал весь день, но ни Сяо Хуай, ни Сяо Цзинь не предприняли никаких действий. Он велел слугам доложить, как только Сяо Цзинь вернется, но даже после ужина того все еще не было.

— Супруг ждал весь день, — проворчала Цзяобай, убирая остывшую еду. — Почему Девятый Принц так и не появился...

Чжоу Юань, знавший определенные секреты, держал голову опущенной и помалкивал. Лишь Шэнь Юйхэн почувствовал неожиданное облегчение. Побег — штука полезная; если бы он встретил Сяо Цзиня сейчас, он бы не знал, как смотреть ему в глаза. Он не мог спросить: «Зачем ты меня отравил?» или «Зачем ты меня [ПИИИП]?». Он просто не мог этого сказать.

Однако Сяо Цзинь все же вернулся в ту ночь. К тому времени, как он добрался до Зала Цинчжо, дворцовые ворота были заперты, а лунный свет ярко сиял. Император уже давно перестал устраивать банкеты, отчего ночи стали исключительно тихими.

Шэнь Юйхэн как раз закончил купаться, когда дверь со скрипом отворилась. В комнату скользнула тень и захлопнула за собой дверь. Это был скорее «грохот», чем просто закрытие. Шэнь Юйхэн увидел густую пелену яростного мрака в глазах юноши.

Он подошел, намереваясь помочь Сяо Цзиню снять с него капающую верхнюю одежду. Но приблизившись, он почувствовал едкий металлический запах крови. Он понял, что «капающая жидкость» была багровой.

Шэнь Юйхэн попятился, но Сяо Цзинь сделал шаг вперед.

— Мать-Супруга, — сказал он хриплым, горячим шепотом. — Угадайте, кого я только что встретил?

— На банкете, устроенном господином Суном — тем, с которым вы меня познакомили — был Мэн Цянь.

Шэнь Юйхэн замер. Это был человек, с которым первоначальный владелец тела обменивался любовными письмами.

— Мать-Супруга узнает его?

— Я... узнаю его, — ему пришлось признаться. Сяо Цзинь уже знал о них; лгать было бы опасно.

— Он заявил, что «трогал» Мать-Супругу. Он сказал, что до того, как вы вошли во дворец, вы были вместе бесчисленное количество раз... Я боялся, что его слова дойдут до ушей Императорского Отца, поэтому мне пришлось отрубить ему голову и вырвать язык. Умирая, он казался удивленным... он думал, что я не посмею убивать на публике. Но я посмел.

Сердце Шэнь Юйхэна заколотилось от ужаса. В следующую секунду его челюсть схватили и с силой вздернули вверх, заставив поморщиться от боли. Сяо Цзинь внимательно всмотрелся в его лицо.

— Я убил его ради вас. Мать-Супруга винит меня?

Нет! Неверно! Мне просто больно!

— Его слова были ложью, — попытался защититься Шэнь Юйхэн. — Я никогда...

— Я знаю, — ровным тоном перебил Сяо Цзинь. — В тот момент, когда я обнажил меч, он во всем признался.

Шэнь Юйхэн: ? Тогда зачем ты все равно его убил?!

Словно услышав эту мысль, улыбка Сяо Цзиня стала гротескной.

— Помнится, он написал вам много писем. Если бы Императорский Отец нашел их, он бы... приревновал.

Шэнь Юйхэн: «...» Так ты убил его, чтобы «спасти» меня? Ах ты ж маленький психопат!

Сяо Цзинь видел сопротивление и недовольство в глазах Шэнь Юйхэна, но не видел «сокрушительного горя», которое хотел увидеть. Он обыскал дом Мэн Цяня и нашел бесчисленные страстные письма от первоначального владельца — письма, которые не скрывали их обоюдной похоти. Письма Шэнь Юйхэна к этому человеку были особенно пылкими, изображая их как пару, созданную на небесах.

И все же теперь, когда Мэн Цянь мертв, его реакция была такой безразличной? Любовь, о которой писал Шэнь Юйхэн, клятвы, которые он давал... всё это было ложью. Точно так же, как и его чувства к Сяо Цзиню, вероятно, были еще более лицемерными.

Сяо Цзинь усмехнулся. Он внезапно прижал руку к талии Шэнь Юйхэна. Несмотря на испуганный рывок мужчины назад, Сяо Цзинь надавил мозолистыми пальцами на его живот, нащупывая легкую, почти неуловимую вибрацию внутри.

Это был признак того, что Гу Оков Любви обретает форму.

Гу действовал одновременно как афродизиак и как средство «отсечения» эмоций. Как только он полностью созреет, тело Шэнь Юйхэна никогда не сможет принять другого мужчину, и даже прикосновение Императора будет причинять ему агонию. Шэнь Юйхэн сможет принимать боль и удовольствие, приносимые лишь Сяо Цзинем. Он навсегда останется в его руках, не в силах ни сопротивляться, ни сбежать.

В глазах Сяо Цзиня мелькнул отблеск безумия. Он уже видел тот день, когда повесит на шею этого человека настоящие, физические оковы. Он заставит его жаждать жизни, но при этом молить о смерти.

<http://bllate.org/book/17965/1732043>